

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА

УДК 32:303.446

СССР И КНР, РФ И КНР: ТРАНЗИТАРНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ В СРАВНЕНИИ

© Дмитрий Григорьевич Сельцер

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия,
доктор политических наук, профессор, директор Академии гуманитарного
и социального образования, e-mail: seltser@yandex.ru

СССР пал, КПСС ушла с исторической арены. КНР и КПК выжили и демонстрируют впечатляющие и неоспоримые темпы развития. Почему, если политическая система КНР создавалась во многом как клон советской? Была ли у М.С. Горбачева возможность двинуться по китайской модели развития и стать российским Дэн Сяопином? Была ли такая возможность у его преемников? Есть ли она у нынешнего руководства России? Каково в сравнительном измерении качество управленческих кадров СССР – КНР – РФ? Ответы на эти вопросы и составили задачи исследования, предпринятого автором статьи.

Ключевые слова: административно-политическая элита; политическая система; СССР; КНР; РФ; КПСС; КПК.

Описание проектов.

5–19 января 2011 г. автор статьи провел полевое исследование в КНР. Географические границы были локализованы Шанхаем и группой городов (Суйфэньхэ, Фудзи и Цзямусы) провинции Хэйлунцзян. Объектом изучения стали субрегионы современного Китая. Это первый этап крупного научного проекта, предпринятого автором. Следующий этап пройдет в августе 2011 г. с выездом в Пекин, вновь в Шанхай и одну из провинций Китая.

Исследование предполагает проведение в исторической динамике сравнительного анализа номенклатурной организации власти, номенклатурной системы и собственно номенклатуры КПСС и типологически близких феноменов КНР с их наложением на современные российские реалии. Фактически, через элитологическую парадигму (в логике «от решенческого класса – к политической системе») исследуются трансформационные процессы в политических системах СССР – КНР – РФ. Оценивая состояние кадров государственного управления, предстоит сделать выводы о причинах распада СССР, истоках жизнеспособности КНР и политических перспективах РФ.

Автор имеет многолетний опыт исследования проблемы на российском материале. В конце 1990-х – середине 2000-х гг. он провел сравнительно-историческое и сравнительно-политологическое эмпирическое исследование 7 регионов СССР-РФ (Рязанской, Самарской, Тамбовской, Ульяновской областей, республик Мордовия, Удмуртия и Чувашия). Результатом работы стала научная монография «Взлеты и падения номенклатуры» (Тамбов; ОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2006). Это было кросс-темпоральное и кросс-региональное исследование субрегионов СССР-РФ. Перспективой автора было проведение кросс-национального субрегионального исследования. Именно оно и было начато в Китае в 2011 г.

Автор выражает признательность японскому профессору К. Мацузато и китайскому профессору Ян Чэну за организационную подготовку исследования, японскому профессору Ф. Тахаре за библиографическое консультирование [1–9].

Постановка проблемы.

СССР пал. Современная Россия находится в высокой степени стагнации (причем это касается и экономики, и политики, и социального организма, и общественного сознания).

ния). КНР, в противовес, демонстрирует уверенные и поступательные темпы развития, став в феврале 2011 г. второй экономикой мира. Почему, если социально-политическая система Китая создавалась и развивалась после 1949 г. (года основания КНР) как клон советской системы? Ответ на этот вопрос и прост, и сложен одновременно. Прост потому, что набор ответов будет ясен и понятен и исследователю процесса, и обывателю. Сложен потому, что «формула успеха» Китая при всей ее простоте почти неповторима в других обществах. Настаивать на ее копировании, допустим, в СССР или современной России вряд ли продуктивно, а порой – совершенно бессмысленно. Политические, социальные, экономические, культурологические, психологические, поведенческие и прочие традиции и современные практики в Китае и России различаются.

Итак, каковы эти отличия? Почему темпы развития Китая и России столь несопоставимы? Для ответа на эти вопросы последовательно рассмотрим ключевые параметры анализа. Причем оговоримся, что это лишь первый подступ к опубликованию результатов проекта «Российские и китайские элиты в сравнительном измерении». Оттого статья носит в какой-то степени публицистический характер.

Доверие населения к власти. В Китае высочайший и безусловный уровень доверия населения к действующей власти. Там нет анекдотов о власти, снисходительного или ироничного отношения к ней. В оценках власти люди могут вести себя сдержанно, но власть там субъективно не может быть подвергнута остракизму. И дело не в страхе или какой-то боязни китайцев собственного государства. Просто они привыкли к тому, что власть ведет себя по отношению к ним безукоризненно честно. Китайское общество в целом уверено, что власть работает в ее интересах. Общество точно знает, что у государства (государственного чиновника) нет никаких собственных интересов, отличных от интересов общества, нет никаких других забот, кроме заботы об экономике, обществе и человеке. В этом принципиальнейшее отличие Китая и России, где уровень своекорыстия чиновника чрезвычайно высок. В России чиновник, имеющий собственные интересы в экономике, – явление заурядное

[10, 11]. Более того, это даже приветствуется и часто поощряется. Губернаторы берут себе заместителей из топ-менеджмента крупных компаний и пр. Да и сами губернаторы часто – выходцы из той же среды. Логика «Богатый во власти не будет воровать – у него и так все есть», на мой взгляд, очевидно порочна. На проверку всегда выходит, что своекорыстие превалирует над такими соображениями, и богатый во власти продолжает заниматься лоббированием своего или партнерского бизнеса, становясь еще богаче и отодвигая общественные интересы. Тот чиновник (в широком смысле – любой человек, что называется, при государстве; работник силовых структур, в т. ч.), у которого нет бизнеса, зачастую живет на откаты. В Китае такое попросту невозможно. Почти исключено. Но если это произошло, расплата за организацию коррупции или участие кода-то наступит неминуемо.

Итак, уровень доверия к власти в Китае существенно выше, чем в России.

Ценообразование. В России распространено и даже насаждается заинтересованными кругами, близкими к коррупционному государству и заинтересованному бизнесу, представление, что китайские товары дешевые потому, что они некачественные, опасные для здоровья и делаются людьми, почти не получающими за свой труд заработную плату. Наверное, считать так основания отчасти есть. Вернее, они были, когда товары в Китае делались на дешевом и некачественном оборудовании, что называется «на коленке». Но нынешние реалии совершенно иные. Дешевизна китайских товаров в отсутствие коррупционных схем, откатов, честных тендерах, современном энергосберегающем оборудовании (произведенном уже в Китае, а не закупленном, как раньше, за рубежом), низких внутренних налогах и, действительно, невысоких ценах на рабочие руки. В сравнении с этим Россия много проигрывает. Эксперты считают, что в цене на российские товары, по разным данным, от 9 до 21 (торговля и добыча полезных ископаемых) и даже 24 % (строительство) – взятки, чей-то корыстный интерес [12]. Эти сферы регулируются наибольшим количеством нормативных актов, и в самой большей степени принятие решения здесь зависит от договоренностей и чиновников. Расходы на взятки предприни-

матели закладывают в цену товаров. Чаще всего предприниматели и не стараются бороться с мздоимством, а рассматривают его как неизбежные «транзакционные издержки», которые и пытаются переложить на потребителей.

Кроме того, известно, насколько велики в России налоги. Нормальное промышленное оборудование – всегда импортное. Разговор же о «дешевых китайских рабочих руках» выглядит попросту нелепо. Можно подумать, что российские рабочие руки ценятся на вес золота! Российский рабочий в провинции (а большая часть промышленности Китая сосредоточена как раз в провинции) не зарабатывает больше китайца. А если и больше, то не так, чтобы настолько изменить цену на товары. Словом, причина раздутых цен в России на все – в коррупции, прежде всего.

Борьба с коррупцией. Всеми миру известны китайские законы, жесточайше карающие коррупционеров. Но не в них главное. Главное, во-первых, в соответствующей этике китайца (примерно такой же, как в Японии, где человек скорее сделает сипоку от безысходности, но никогда не будет сматывать показания с приборов учета; это бесчестно, а честность – непререкаемая ценность в Японии), препятствующей распространению коррупции. Во-вторых, в Китае коррупция попросту невозможна в силу того, что там выстроены на ее пути непреодолимые барьеры. Какие?

Власть и бизнес. Бизнес в Китае не может попасть во власть и/или срастись с ней. В России ситуация, когда бизнес захватил власть и, используя ее организационные и административно-распорядительные ресурсы, выступает от ее имени, была распространена в 1990-х гг. В Китае это абсолютно исключено.

Бизнесмен там не может вступить в КПК. Это автоматически означает, что бизнесмен не будет чиновником (членом Народного правительства или его структуры любого уровня), поскольку чиновником там может стать только член КПК.

Бизнесмен там не может стать депутатом (членом Собрания народных представителей любого уровня). Проход в депутаты для китайских бизнесменов совершенно закрыт.

Китайский чиновник. Он живет только на заработную плату. Угроза потери места,

сумасшедшая конкуренция из десятков миллионов людей, стоящих за его спиной, не может подвигнуть его на взятку или покровительство бизнесу. Останавливают угроза потери места и ментальные ограничения. В Китае чиновник – не политик, он – государственный болт. Причем и он сам, и государство настаивают, чтобы это был качественный болт.

Качество государственного чиновника обеспечивается по трем линиям. Во-первых, через систему вузовского образования. Ежегодно 6 млн лучших китайских школьников поступают в вузы страны. Еще 3–4 млн отправляются учиться за границу – прежде всего, в США, Канаду, Австралию, Западную Европу, Японию. Во-вторых, через обязательную систему переподготовки кадров государственных чиновников. В-третьих, через конкуренцию. Все чиновники прекрасно понимают, что каждому из них «дышат в спину» миллионы конкурентов.

Китайская конкуренция. Российские исследователи признают, что конкуренция и гражданский контроль купируют коррупцию [10]. Китайская конкуренция – надежный заслон от коррупции, олигархии (власти богатых) и nepotизма (власти родственников). В Китае сумасшедшая по российским меркам конкуренция. В Китае небывалый для России уровень трудовой мобильности. В Китае жесточайший отбор кандидатов на любое вакантное место. В силу того, что Китай динамично развивается, там постоянно увеличивается спрос на управленческие кадры. Оттого продуманы и введены процедуры кадрового рекрутинга. Его принципы таковы: 1) прием на работу – только через конкурс; 2) конкурс – только общекаитайский, что автоматически делает невозможным ситуацию, когда местные начальники берут на государственную службу своих родственников. Это при китайской системе контроля исключено даже технически; 3) конкурс многоуровневый, всегда массовый и на первом этапе только через Единый государственный экзамен (ЕГЭ), одновременно сдающий кандидатами по всей стране.

ЕГЭ. Единый государственный экзамен проводится в Китае одновременно по всей стране, и сдают его не как в России – только школьники. ЕГЭ – для всех, кто хочет продвигаться по карьерной лестнице. Китайцы

образно называют его кристаллом. Смысл его в том, что несколько раз в год десятки миллионов китайцев в интерактивном режиме отвечают на вопросы ЕГЭ. От результатов ЕГЭ зависит, могут ли они претендовать на прием на работу и/или продвижение по службе. Причем договориться ни с кем невозможно: за «чистотой эксперимента» строго надзирает специально проинструктированная на сей счет полиция.

Система кадрового рекрутинга. После сдачи ЕГЭ претенденты на занятие государственных позиций ищут объявления о вакансиях. Далее они проходят еще 5 этапов очень жесткого отбора. Система кадрового рекрутинга предполагает, что из миллионов человек в итоге будет отобран один. Если позиция менее уважаема, то победитель отбирается из тысяч человек, что тоже неплохо. Систему рекрутирования государственных кадров контролирует и направляет кадровая служба КПК. Ей подчинена (даже вплетена в нее) кадровая служба Народных правительств Китая.

Китайская идеология в экономике. Китайская идеология очень прагматична. Прагматизм, экономико-центризм (упор на экономику) – в Китае. Иррационализм, политико-центризм (упор на имитационную политику) – в России. Отсутствие имитационных процедур – в Китае. Их засилье – в России. В Китае ценится дело. В России – разговоры о деле. В Китае – минимум бумаготворчества. В России – катастрофическое засилье бумаг.

В СССР был пропущен момент смены парадигм развития. Пропущен в угоду идеологемам. Политико-центризм возобладал над прагматическим направлением развития. Пока вожди СССР на каждом съезде заявляли о верности курсу и красному знамени, в КНР при Дэн Сяопине произошел тихий поворот в сторону экономико-центричной модели развития.

Люди в СССР, ежедневно сталкивающиеся с государственной ложью, потеряли в итоге всякий интерес к идеологии. Власть потеряла уважение людей. В августе 1991 г. никто не хотел защищать такую власть. В этом была одна из главных причин падения СССР. Сейчас в России жизнеспособность системы может быть поколеблена типологически схожими обстоятельствами. И не учи-

тывать этого было бы большим заблуждением. Разлагающие государственный механизм своекорыстие, конформизм и протекционизм с отсутствием конкуренции, имитация выборов, недоразвитость партийной системы, опасное исключение человека из политического процесса могут критически повлиять на живучесть системы. Люди могут перестать верить в партии, выборы, перемены; в себя, наконец. Словом, налицо масса общих и чрезвычайно опасных для российского государства аналогий. И опыт Китая может быть в этом смысле как нельзя кстати. Важно заимствовать лучшие транзитные примеры.

1. *Eun K.C.* Informal Tax Competition Among Local Governments in China Since the 1994 Tax Reform // *Issues & Studies*. 2009. № 2 (45). P. 159-183.
2. *Zhong Y.* Local Government and Politics in China: Challenges from Below. Armonk, N. Y., 2003.
3. *Zhong Y.* Dissecting Chinese County Governmental Authorities // *China's Opening Society: the Non-State Sector and Governance* / eds. by Z. Yongnian, J. Fewsmith. L., 2008.
4. *Oksenberg M.* Local Leaders in Rural China, 1962–65: Individual Attributes, Bureaucratic Positions, and Political Recruitment // *Chinese Communist Politics in Action* / ed. by A.B. Doak. Seattle, 1969.
5. *Butler S.B.* Goal Structure and Coordination in China's Rural Local Administration // *Groups and politics in the People's Republic of China* / ed. by S.D. Goodman. Cardiff, United Kingdom, 1984.
6. *Blecher M., Shue V.* Tethered Deer: Government and Economy in a Chinese County. Stanford, Calif., 1996.
7. *Fried M.H.* Fabric of Chinese Society: A Study of the Social Life of a Chinese County Seat. N. Y., 1953.
8. *Friedman E., Pickowicz P., Selden M.* Chinese Village, Socialist State. New Haven; London, 1991.
9. *Dardess J.W.* A Ming Society; T'ai-ho County, Kiangsi, Fourteenth to Seventeenth Centuries. Berkeley, 1996.
10. *Нисневич Ю.* Царь-взятка // Газета.ру. 2011. 25 марта.
11. *Смирнов Н.* Барометр зашкалило // Российская бизнес-газета. 2010. 28 дек.
12. *Сморщиков П., Новоженкина О.* Расчет корпорационного налога // Газета.ру. 2011. 27 марта.

Поступила в редакцию 28.03.2011 г.

UDC 32:303.446

USSR AND CPR, RF AND CPR: TRANSIT POLITICAL SYSTEMS IN COMPARISON

Dmitriy Grigoryevich Seltser, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia, Doctor of Politics, Professor, Director of Humanitarian and Social Education Academy, e-mail: seltser@yandex.ru

USSR failed; KPSS went away from political arena. CPR and KPK survived and now demonstrate outstanding and undeniable development tempo. Why, if the political system of CPR was created as clone of Soviet? Had M.S. Gorbachyov the possibility to follow the Chinese development model and become Russian Dan Xio Pin? Had his successors this possibility? Has the present Russian government this possibility? What is the quality of management staff of USSR – CPR – RF in comparative dimension? The answers on these questions formed the research tasks made by the author of the article.

Key words: administrative political elite; political system; USSR; CPR; RF; KPSS; KPK.